

ступления, или общественную опасность; латентность; противодействие со стороны преступника (преступной группы) выявлению, доказыванию, пресечению преступной деятельности; наличие организованности в действиях преступника; отображение преступной деятельности в материальной обстановке, сознании людей и социальной среде; взаимосвязь объекта, субъекта, средства совершения преступления и обстановки, системы следов – отражений преступления.

Некоторые свойства преступной деятельности в конкретном случае могут быть выражены в большей или меньшей степени. При этом деятельность прокурора в сфере борьбы с преступностью может быть эффективной только тогда, когда ее структура нацелена на исследование всех указанных свойств.

Библиографические ссылки

1. Алексеев, Н.С. Доказывание и его предмет в советском уголовном процессе / Н.С. Алексеев // Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма. Л., 1967.
2. Арсеньев, В.Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В.Д. Арсеньев. М., 1967.
3. Белкин, А.Р. Теория доказывания : науч.-метод. пособие / А.Р. Белкин. М. : Норма, 2000.
4. Зеликсон, Э.С. О доказывании в советском уголовном процессе / Э.С. Зеликсон // Учен. тр. Казах. ун-та. Алма-Ата, 1970. Т. 10. Вып. 10, ч. 1.
5. Лупинская, П.А. Доказывание в советском уголовном процессе / П.А. Лупинская. М. : ВЮЗИ, 1966.
6. Новик, В.В. Криминалистические аспекты доказывания по уголовным делам : проблемы теории и практики / В.В. Новик. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005.
7. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. М. : Рус. яз., 1983.
8. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М.С. Строгович. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1968–1970. Т. 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса. 1968.
9. Тарасов, А.М. Государственный контроль: сущность, содержание, современное состояние / А.М. Тарасов // Журн. рос. права. 2002. № 1.
10. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р.С. Белкин [и др.] ; отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Юрид. лит., 1973.
11. Трусов, А.И. Основы теории судебных доказательств : краткий очерк / А.И. Трусов. М. : Госюриздат, 1960.
12. Фаткуллин, Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания / Ф.Н. Фаткуллин. 2-е изд., доп. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1976.
13. Харитонов, А.Н. Государственный контроль над преступностью / А.Н. Харитонов. Омск : Изд-во Омского юрид. ин-та МВД России, 1997.

*А.Л. Савенок, докторант НПФ Академии
МВД Республики Беларусь, кандидат юри-
дических наук, доцент*

О КОНЦЕПЦИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВЫХ НОРМ

Рассматриваются существующие в теории права концепции эффективности правовых норм. Исследуется их возможность применения для оценки эффективности уголовного законодательства. Особо обращается внимание на необходимость правильного определения целей уголовного закона, их отличие от задач. Констатируется, что выработанные общей теорией права и другими отраслевыми науками концепции определения эффективности правовых норм не применимы для определения эффективности как в целом уголовного закона, так и отдельных уголовно-правовых норм. Обосновывается необходимость разработки собственной, уголовно-правовой концепции эффективности уголовного закона как комплексной научной задачи, где должны использоваться разные средства и методы, поскольку только их сумма может с определенной степенью достоверности определить действенность законодательства. Предлагается отличать эффективность уголовного закона от других его свойств.

Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. подвел своеобразный итог развитию отечественного уголовного права в XX в., вобрав в себя основные теоретические идеи, опыт законотворческой практики и законодательной техники. В УК нашли отражение основные положения советского уголовного права, базирующиеся во многом на теоретических разработках дореволюционных юристов, ряд положений Модельного уголовного кодекса для государств – участников СНГ, учтен опыт разработки и применения Уголовного кодекса Российской Федерации, других стран СНГ, а также стран дальнего зарубежья.

В условиях осуществления правовой реформы весьма важным представляется приведение уголовного законодательства в соответствие с реальным состоянием преступности в стране, поэтому всякие изменения в уголовном законодательстве должны быть обоснованы с учетом выявленных и прогнозируемых тенденций преступности, ее структуры, ее новых видов и контингента преступников. Концепция проведения в жизнь правовой реформы уголовного законодательства должна основываться на ясном и четком понимании того, каких изменений в состоянии, уровне, структуре и динамике преступности можно будет добиться, совершенствуя определенные правовые нормы. С этой целью необходимо постоянно осуществлять мониторинг не только следственно-судебной практики, но и эффективности законодательства.

К сожалению, проблемам будущей эффективности законодательства, в том числе и уголовного, на уровне законотворчества внимания, как правило, не уделяется. В связи с этим говорить о достоинствах или недостатках уже принятого закона можно чаще всего лишь постфактум. На практике это приводит к фактической неурегулированности соответствующих общественных отношений, коллизии правовых норм и их дублированию. Итогом является постоянное внесение изменений и дополнений в только что принятые нормативные правовые акты. Не лучшим примером в этом случае является и принятый УК 1999 г., первоначальная редакция которого по разным причинам, иногда без соответствующего научного обоснования, неоднократно изменялась и дополнялась. Так, по состоянию на 1 января 2005 г. корректировались 164 нормы, изменения вносились примерно по 240 позициям, около 20 норм изменялись неоднократно [2, с. 104].

Исследования по проблемам эффективности как всего законодательства, так и отдельных его отраслей активно начали проводиться в СССР в 70-е гг. прошлого века. По этой теме был опубликован ряд монографий и много научных статей [3; 6; 10; 13; 14; 18; 20; 21; 22]. В Республике Беларусь исследования на диссертационном или монографическом уровне на эту тему не проводились. Почти отсутствуют в последнее время исследования по проблемам эффективности правовых норм в России и других странах СНГ. Исключение составляют лишь некоторые исследования [5; 11; 12; 17]. Что же касается изучения эффективности уголовного законодательства, то этот вопрос на сегодняшний день остается одним из самых сложных и недостаточно разработанных. При его разрешении очень важно уяснить, насколько применимы существующие в теории права концепции эффективности правовых норм для исследования уголовного законодательства.

В научной литературе выделяют несколько концепций понятия эффективности, известных как «целевая», «результативность» и «полезность» [15, с. 11]. Наибольшее распространение получила точка зрения, высказанная И.С. Самощенко и В.И. Никитинским, согласно которой под эффективностью правовых норм понимается отношение между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты [15, с. 3–11]. Однако такое определение, как правильно отметил М.Д. Шаргородский, приемлемо не во всех случаях. По его мнению, эффективность – это абстрактное понятие, означающее только способность применяемого средства содействовать достижению желательной цели, оценка же относится не к эффективности, а к цели, достижению которой служит анализируемое средство [19, с. 343–344].

Конечно, одним из критериев эффективности правовой нормы может рассматриваться та цель, ради которой эта норма разрабатывалась и принималась. Однако в юридической науке проблема правовых целей разработана недостаточно. В тех же исследованиях, где этот вопрос рассматривался, он не увязывался в должной мере с практической задачей определения эффективности различных норм и отраслей действующего законодательства. Например, непросто определить цель уголовного закона, отдельных его институтов и тем более норм. Исключение составляет цель уголовной ответственности, которая прямо указана в ч. 2 ст. 44 УК.

Высказанные в научной литературе мнения по этому поводу не бесспорны. Рассматривая эффективность системы уголовной юстиции, В.Н. Кудрявцев отмечает, что «... применительно к нашей системе эта основная цель указана в ст. 1 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: „Уголовное законодательство... имеет задачей охрану советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан и всего правопорядка от преступных посягательств“. Можно считать, что это и есть общая цель системы уголовной юстиции (разница в терминах „задача“ и „цель“ применительно к рассматриваемому вопросу вряд ли имеет существенное значение» [7, с. 30].

Соотнести полностью данный подход к определению цели уголовного закона нельзя. Обращение в этом случае к ст. 2 УК, в которой определены задачи охраны мира и безопасности человечества,

человека, его прав и свобод, собственности, прав юридических лиц, природной среды, общественных и государственных интересов, конституционного строя Республики Беларусь, а также установленного правопорядка от преступных посягательств, вряд ли оправдано. Как представляется, понятия «цель» и «задачи» уголовного закона не идентичны. Кроме того, необходимо отметить, что в указанной статье перечислены не все объекты уголовно-правовой охраны, а в современных условиях многие задачи, обозначенные в ст. 2 УК, просто невыполнимы, особенно если их соотносить с понятием «цель». В значительной степени это относится к статьям, предусмотренным разд. VI УК «Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления», а также некоторым другим статьям УК, которые почти не применяются, поэтому с точки зрения приведенного В.И. Никитинским и И.С. Самошенко определения эффективность некоторых норм просто будет отсутствовать ввиду объективных причин. Кроме того, такой подход не учитывает цены достигнутого результата, побочных последствий, которые могут дискредитировать достигнутую цель, он не учитывает того, что сама цель изначально может быть определена не точно.

Не рассматривая подробно эту концепцию, заслуживающую самостоятельного изучения, необходимо отметить, что по поводу понятия цели вот уже много лет представителями самых разных наук ведутся споры [21, с. 30–41]. Основная причина этих дискуссий кроется в обобщении понятий цели и целесообразности и последующем неоднозначном применении данных терминов. Так, до второй половины XX в. цель понималась традиционно, сугубо антропоморфно, как особенность человеческой психики, сознания, как мысленное предвосхищение результата деятельности человека, а целесообразность – как соответствие,сообразность этой цели. По современным воззрениям цель присуща и людям, и животным, и сложным техническим устройствам. Во всех этих сферах цели имеют свои характерные особенности. Существуют цели и интересы индивида, общества, нации, социальной группы, к которой он принадлежит. И хотя интересы личности в демократическом обществе превыше всего, необходимо иметь в виду, что данный тезис не должен пониматься односторонне: индивидуальный (и даже групповой) эгоизм и подчинение по ряду позиций интересов личности, социальной группы интересам всего общества не противоречит, а соответствует интересам каждой личности, приоритету общечеловеческих ценностей [4, с. 68–69].

Несмотря на неоднозначное понимание данного понятия, в юридической литературе предпринимаются попытки определить иерархию целей уголовно-правового регулирования, представляющую довольно сложную систему. Так, по мнению Н.Ф. Кузнецовой, цели бывают непосредственные (цели-задачи), опосредованные и конечные. Непосредственной целью уголовного закона является охрана общественных отношений от преступных посягательств и предупреждение преступлений. Опосредованная цель уголовного закона – это устранение причин и условий уголовных деяний. Конечная цель – ликвидация преступности. Эффективность уголовного закона, по ее мнению, определяется прежде всего достижением непосредственной цели-задачи. При этом непосредственные цели уголовно-правового регулирования могут быть как общими, так и специальными в зависимости от их направленности и особенностей адресата [8, с. 38–39]. Очевидно, что в современных условиях такой подход к определению целей уже не приемлем.

Рассматривая эффективность с точки зрения ее результативности, необходимо отметить, что назначение любой системы права состоит в достижении соответствующего позитивного результата. Однако в этом случае возникает закономерный вопрос о том, что следует понимать под результативностью и каким может быть результат действия, например уголовного закона? Конечно, можно провести сравнение уровня преступности до и после принятия уголовного закона. Разницу в уровне преступности можно рассматривать как определенный результат. Однако при таком подходе вычленив собственно роль уголовного закона очень непросто, поскольку наряду с УК в обществе на преступность действуют и иные, порой доминирующие, факторы юридического, экономического, политического характера, вызванного применением закона. Как в этом случае определить действие только уголовного закона, отделив его от действия, например норм морали? Может быть, это вовсе не уголовный закон, а другие средства обеспечили достижение определенного результата?

В научной литературе результативность раскрывается через категорию цели, соотношении ее с достигнутым результатом. При этом результат включает в свое содержание все то, что было необходимо для реализации цели, что тем или иным образом было приведено в движение ради реализации цели и таким образом внесло свой вклад в формирование результата и определило его дальнейшее существование. В этом смысле мы можем вести речь о проявлении результативности на стадиях правотворчества и правореализации. Результатом правотворческой деятельности является правовая нор-

ма, а выражением результативности на стадии правореализации является степень достижения социальной цели нормы. Однако, как представляется, попытка оценить результат действия уголовного закона с точки зрения достижения определенной социальной цели возможна только после того, как он формально выполнил свою функцию и отменен. Так, например, было бы не только интересно, но и полезно изучить результативность УК 1960 г., провести детальный анализ институтов и норм, рассмотреть эффективность их действия, выработать с учетом этого рекомендации законодателю и правоприменителю. Но в настоящее время соответствующие методики для такой оценки не разработаны. Можно лишь отметить, что за 40 лет действия данного уголовного закона преступность в нашей стране увеличилась в несколько раз. Кроме того, необходимо констатировать, что тенденция роста преступности и судимости, имевшая место во время действия УК 1960 г., сохранилась и после вступления в силу УК 1999 г. Так, например, до вступления в силу УК 1999 г. в Республике Беларусь было зарегистрировано 135,5 тыс. преступлений. С момента начала действия нового кодекса статистические данные указывают на дальнейшее увеличение как числа зарегистрированных преступлений, так и числа лиц, осужденных за них: в 2001 г. зарегистрировано 112, 2 тыс.; в 2002 г. – 132,9 тыс.; в 2003 г. – 151,2 тыс.; в 2004 г. – 166,1 тыс., в 2005 г. – 192,5 тыс. преступлений. Наблюдается положительная динамика роста и числа осужденных: в 2000 г. осуждены 57,1 тыс.; в 2001 г. – 50,3 тыс.; в 2002 г. – 53,6 тыс.; в 2003 г. – 65,4 тыс.; в 2004 г. – 73,7 тыс.; в 2005 г. – 77,6 тыс. человек. Если показатели постоянного роста преступности рассматривать как результат действия УК 1960 г., то очевидна его неэффективность. Более того, в этом случае можно было бы говорить и об определенных промежуточных результатах (естественно, неэффективных) действия нового Уголовного кодекса. В то же время, учитывая столь неординарный объект изучения, каким является любой закон, необходимо указать, что определенные нормы УК действуют после его отмены еще достаточно продолжительное время и уж тем более оказывают свое влияние на правосознание граждан, поэтому определение результативности закона на том или ином этапе всегда проблематично.

Однако было бы неверно полагать, как справедливо отмечает А.В. Барков, о провале реформы уголовного права или ее низкой эффективности [2, с. 103]. Такой подход к оценке эффективности уголовного закона был бы упрощенным. Ведь не ясно, насколько увеличилась бы или уменьшилась преступность, если бы уголовный закон был иным? Каким образом повлияли на его эффективность вносимые постоянно изменения и дополнения? Какова роль правоохранительных органов, которые исполняли требования закона? Так, по нашему мнению, резкий рост числа зарегистрированных преступлений в 2005 г. является скорее изменением позиции правоохранительных органов к проблеме регистрации общественно опасных деяний, нежели отражением объективных данных о состоянии преступности в стране. Как отмечает в своих исследованиях В.А. Ананич, в настоящее время латентная преступность в три – пять раз превышает зарегистрированную, а система юстиции республики перерабатывает лишь около одной четверти всех совершаемых преступлений [1, с. 33]. Следовательно, изучение эффективности закона или отдельных его институтов и норм нельзя сводить только к проблеме достижения определенного результата, так как он может быть различным и не всегда соответствовать определяемым целям.

Эффективность действия правовых норм необходимо отграничивать от их полезности. В словаре русского языка С.И. Ожегова слово «полезный» означает «приносящий пользу» [16, с. 448]. В этом смысле, как отмечается в научной литературе, представляется убедительной позиция праксеологов, рассматривающих эффективность и полезность (выгодность) в качестве различных свойств действия (деятельности) [17, с. 4–9]. В некоторых ситуациях действие правовой нормы может оказаться социально вредным, хотя и эффективным применительно к достижению планируемой цели. Праксеология под полезностью понимает соотношение намеченных результатов и результатов побочных, возникших вне предвидения действующего субъекта. Эти побочные результаты оказываются либо полезными, либо вредными и их отношение к намеченным или полученным в рамках цели результатам и характеризуют полезность действия. Соизмерение таких положительных и отрицательных результатов иногда и рассматривалось как проблема измерения эффективности действия правовой нормы. Между тем следует отметить, что в данном случае речь идет не об эффективности, а полезности действия нормы права.

Таким образом, рассмотренные выше положения убедительно показывают, что оценка эффективности законов, институтов и норм является очень сложной задачей. Выработанные юридической наукой концепции определения эффективности правовых норм в целом не применимы для определения эффективности уголовного закона. В этой связи уголовно-правовой науке необходимо разрабо-

тать собственную концепцию эффективности уголовного закона, рассматривая ее как комплексную научную задачу, где должны использоваться разные средства и методы, поскольку только сумма этих методов может дать с определенной степенью достоверности ясную картину. Иными словами, нужно использовать различные научные подходы, чтобы в действительности понять, эффективен закон или нет, умело сочетая традиционные юридические методы с количественными социологическими. Тем более, что современные конкретно-социологические исследования в праве уже не замыкаются на анализе и обобщении тех или иных аспектов юридической практики [9, с. 18]. В своей совокупности они нацелены на изучение широкого круга вопросов, связанных с эффективностью правового регулирования, социальным, юридическим и психологическим механизмом действия права, социальной обусловленностью правовых норм. Расширение в результате этих исследований границ социологического подхода к праву способствовало постановке и разработке целого ряда весьма актуальных проблем. Изучение эффективности уголовного закона предполагает проведение социологических исследований полноты и соответствующей обусловленности законодательства. При криминализации общественно опасных деяний или их декриминализации законодатель должен быть максимально взвешенным и корректным, объявляя преступным и наказуемым только то, что действительно представляет опасность для общества. В противном случае правовые нормы будут неэффективными. Требуют также изучения причины неприменения или редкого применения в практике отдельных статей УК и особенно тех, по которым относительно высокая латентность. Представляет интерес исследование влияния определенных пробелов в уголовном законодательстве на эффективность контроля над преступностью. Следовательно, современные исследования эффективности уголовного закона не могут ограничиваться только изучением уголовно-правовых норм, отношений и практики их применения вне их конкретной и всесторонней связи с неправовыми явлениями, поэтому изучение и прогнозирование эффективности отдельных норм, институтов и отраслей законодательства необходимо тесно осуществлять в зависимости от предлагаемых изменений в экономической, политической, социальной и культурной жизни.

Библиографические ссылки

1. Ананич, В.А. Тенденции преступности и их учет в судебной практике / В.А. Ананич // Закон и жизнь. 2005. № 1.
2. Барков, А.В. Тенденции уголовно-правовой политики в Республике Беларусь / А.В. Барков // Весн. БДУ. Сер. 3. 2005. № 3.
3. Дюрягин, И.Я. Право и управление / И.Я. Дюрягин. М. : Юрид. лит., 1981.
4. Жук, Н.И. Философские основы теории систем, кибернетики и информатики : учеб. пособие. Минск : Веды, 1997.
5. Зелепукин, А.А. Проблемы эффективности российского законодательства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Зелепукин; Саратов, 2000.
6. Иконицкая, И.А. Проблемы эффективности в земельном праве / И.А. Иконицкая. М. : Наука, 1979.
7. Кудрявцев, В.Н. Эффективность закона как средство осуществления уголовной политики / В.Н. Кудрявцев // Основные направления борьбы с преступностью / И.М. Гальперин [и др.] ; под ред. И.М. Гальперина и В.И. Курляндского. М. : Юрид. лит., 1975.
8. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы изучения эффективности уголовно-правовых норм и институтов / Н.Ф. Кузнецова // Эффективность применения уголовного закона / В.Н. Кудрявцев [и др.]. М. : Юрид. лит., 1973.
9. Лапаева, В.В. Конкретно-социологические исследования в праве / В.В. Лапаева. М. : Юрид. лит., 1987.
10. Марочкин, С.Ю. Проблема эффективности норм международного права / С.Ю. Марочкин. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1988.
11. Мингазов, Л.Х. Эффективность норм международного права : (Теоретические проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Л.Х. Мингазов. Казань, 2000.
12. Он же. Эффективность норм международного права / Л.Х. Мингазов. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1990.
13. Никитинский, В.И. Эффективность норм трудового права / В.И. Никитинский. М. : Юрид. лит., 1971.
14. Петрухин, И.Л. Теоретические основы эффективности правосудия / И.Л. Петрухин, Г.П. Батуров, Т.Г. Морщакова. М. : Наука, 1979.
15. Самощенко, И.С. Изучение эффективности действующего законодательства / И.С. Самощенко, В.И. Никитинский // Совет. государство и право. 1969. № 8.
16. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Швецовой. 20-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1988.
17. Федоров, Г. Право и эффективность / Г. Федоров // Закон и жизнь. 2005. № 11.
18. Федосова, В.А. Эффективность действия норм советского государственного права / В.А. Федосова. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.
19. Шаргародский, М.Д. Избранные труды / М.Д. Шаргародский ; сост. и предисл. д-ра юрид. наук, проф. Б.В. Волженкина. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004.
20. Эффективность действия правовых норм / А.С. Пашков [и др.]. Л. : Изд-во ЛГУ, 1977.
21. Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев [и др.]. М. : Юрид. лит., 1980.
22. Эффективность применения уголовного закона / В.Н. Кудрявцев [и др.]. М. : Юрид. лит., 1973.